УДК 128

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СМЫСЛОЖИЗНЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ

Лешкевич Татьяна Геннадьевна,
Южный федеральный университет,
доктор философских наук, профессор,
г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: Leshkevicht@mail.ru

Аннотация
В статье сопоставляется цивилизационное измерение и проблема смысложизненного поиска. Выявляются составляющие конфликтной онтологии современности. Анализируется влияние интенсивности цели-аттрактора. Обосновывается поиск смысложизненных ориентиров с учетом самоосуществления подлинно человеческого потенциала.

Ключевые понятия:
конфликтная онтология,
цивилизационное измерение,
индоктринация,
аттрактор,
смысл жизни,
самоосуществление.

Конфликтная онтология современности включает в себя ставшую уже привычной дихотомию Восток–Запад, Север–Юг с поправкой, что о своем влиянии все больше заявляют стремительно развивающиеся Китай и Индия. Очевидным фактором социальных флуктуаций является доминирующая роль США. Дополняет конфликтную онтологию радикальный ислам, бросивший вызов западным нормам и ценностям. И, как отмечает М.Т. Степанянц, все это происходит на фоне роста терроризма, организованной преступности, торговли оружием, кибернетических атак, расползания оружия массового уничтожения [8, с. 698]. Публичная и общественная сферы в современном мире, и особенно в стране с такой непростой судьбой, как Россия, во многом отражают хаос и энтропию социальной среды, являясь ее своеобразным фрактальным преломлением. Неопределенность и неравновесность, пожалуй, самые меткие характеристики современности. В современной парадигме, учитывающей социальную энтропию и онтологическую неопределенность, ключевой вопрос – как осуществляется социальное развитие и что выступает его источником? – предлагает ответ с указанием на импульсы управляющего воздействия. Традиционно считается: система движется к новой равновесности через неустойчивость. При этом происходит связывание роста степеней свободы (хаоса). Поиск решений происходит в условиях неопределенности, связан с учетом внезапно возникающих ситуационных сценариев и многообразием эмерджентных (внезапно возникающих) эффектов и «потоком возможностей».

Если пытаться концептуализировать цивилизационное измерение с целью поиска управляющих параметров, то достаточно ощутима модель «управления под доктрину». Служение принятой доктрине, самоотождествление с ее основными регулятивными идеями, институциональные шаги и меры, предпринятые в направлении ее укрепления, влияние СМИ оказываются внушительной альтернативой критической рефлексии. Такая индоктринация ставит под вопрос самодостаточность трезвого осмысления как положительных, так и негативных макропоследствий современного цивилизационного развития, так и личностно значимых целей и ценностей. При этом следует подчеркнуть, что проблема смысложизненной рефлексии демонстрирует свою непосредственную привязанность к интерпретациям сути современного бытия,

она внедрена в жизненный мир человека, в самое «экзистенциальное чрево» жизни каждого индивида и поколения.

Цивилизационный подход можно оценить как системообразующий инструмент изучения социального уровня современной онтологии и исторической динамики в целом. Цивилизационное измерение объединяет в единую целостность закон и систему ценностей, традиции и образ жизни, психический строй и ментальность. Оно позволяет отмерять периоды расцвета и упадка той или иной культурно-исторической эпохи, говорить о некоей единой ментальности этноса и суперэтноса, выделять особый «генотип» культурно-исторических образований. Цивилизационное измерение – это крупномасштабное измерение, которое демонстрирует свой интегративный напор, определяет и прописывает векторы последующего развития, проводит демаркацию типов аграрной, техногенной и информационной цивилизации. Это говорит о приобщенности человека к событиям «большой истории» как имеющим внутреннюю логику, указывающую на генезис социальной целостности, ее развитие, адаптацию, диффузию (распространение) или деградацию. Безусловно, современный цивилизационный подход опирается на экономические параметры, статистические данные и синергетический инструментарий.

Анализируя цивилизационные изменения с точки зрения синергетики, ученые выделяют такую структуру, как аттракторы, которые дают возможность объяснить, как происходит закрепление тех или иных тенденций. Аттракторы – это притягивающие множества, образующие собой центры, к которым тяготеют элементы, как бы «сползая в точку скопления». К примеру, в зафиксированных условиях внешней среды в значении аттракторов может выступать сильная доктрина той или иной державы, или же идеология радикального ислама, стратегически доминантные инициативы США и пр. Заметим, что в контексте синергетики значимая масштабная цель оценивается как своеобразный аттрактор, который в состоянии согласовывать и привлекать в сферу своего притяжения подструктуры «разного возраста», производя тем самым некую пространственную концентрацию. Стягивая вокруг себя стохастические элементы, аттрактор задает область устойчивости и запускает механизм самопреобразования, структурирующий среду. Причем методологи оценивают аттрактор как предельное состояние, достигнув которого система уже не может вернуться ни в одно из прежних состояний.

Интерес представляет и то, что интенсивность цели-аттрактора, т.е. непосредственно процесс целедостижения не только нарушает симметрию пространства (топоса), но и влияет на темп развития. Подтянутые к цели-аттрактору подструктуры начинают функционировать в заданном темпе, который отличается от их собственного, в то время как они существовали локально и автономно до объединения. Движение к цели подчиняет себе все промежуточные состояния системы. Стохастические элементы ведут себя так, как если бы они «стремились» к какой-либо цели, они демонстрируют свое когерентное функционирование в направлении поставленной цели. Когда же происходит рассеивание прежних целей, то система девальвируется, лишается энергии, «захламляя» ментально-энергетическое пространство, вступая в «зону стока». В этом состоянии система как бы «ходит по замкнутому кругу», «вращается в воронке обыденного», она «устает» и не способна к преобразованиям.

В условиях резкой поляризации сил на международной арене, асимметрии социально-экономических взаимодействий проблема обнаружения ценностно-целевых установок для консолидированного развития общества часто оценивается как тупиковая. Мало ссылаться на эсхатологический сценарий и на то, что существующие риски превышают все допустимые пределы. Применяя синергетический инструментарий, и в частности структурообразующий потенциал аттрактора, необходимо отрабатывать значимую смысложизненную идею, имеющую универсальный гуманитарный смысл, заключающую в себе энергию целеориентиров.

Проблема смысложизненной рефлексии возникает, как только философы начинают продумывать значимый для современности субъектно-ориентирующий подход и примерять на современные реалии получивший большую популярность концепт «человекоразмерности». Более того, смысложизненная рефлексия оказывается привязанной к ее носителю – субъекту, и оборачивается вопросом: кто он, субъект XXI века, в чем смысл его существования? Менталитет современника формируется на фоне анонимных рыночных отношений, унификации и мозаично складывающихся социокодов. Человек оказывается в принудительных условиях готовности вписаться в любой контекст, вне всякой зависимости от приобретенного жизненного опыта, ценностей и системы

предпочтений. Переживание несамодостаточности, неполноценности, а может и генетический, уходящий своими корнями в историю, страх заставляет стремление к самореализации ставить в ситуативную зависимость от сложившихся условий и конкретных обстоятельств. Возделывание «полей» социальной активности идет с поправкой на принудительно адаптивный сценарий.

Однако известным фактом является то, что в различные эпохи человека определяли в отличных смысловых контекстах. Наиболее употребительным был общий подход, указывающий на его сапиентность (Homo Sapiens – человек разумный). Вместе с тем в зоологической классификации Линнея фигурирует концепт «Animal rationale», означающий животное рациональное; у Франклина – a tool making animal – «животное, производящее орудия»; «человек как символическое животное – «Animal symbolicum» – итоговый вывод Кассирера. С точки зрения дня сегодняшнего интересен подход Кьеркегора, который может сложиться в формулу: человек – это существо, делающее выбор. Можно упомянуть и оригинальное суждение Ницше: «Человек – это животное, способное обещать», вводящее в мир нравственных императивов. Сапиентному подходу контрастирует отрезвляющий вывод Руссо: «Размышляющий человек – просто испорченное животное». Однако сегодня, когда на карту поставлен цивилизационный выбор будущего, о подлинной человечности нельзя говорить, имея в виду его протоформенные состояния, звереподобные инстинкты, агрессию, алчность, жадность, потребительство, избыток влечений и пр. Именно альтруизм, вытекающий из разумности, трактуется как отличительный выбор человека, направленный к укоренению в коллективной воле [5, с. 25].

Основоположник антропологии М. Шелер прав, утверждая, что при слове «человек» в сознании образованного европейца сталкиваются три круга идей. Во-первых, это круг представлений иудейско-христианской традиции об Адаме и Еве, о творении, рае и грехопадении. Во-вторых, это греко-античный круг представлений, в котором самосознание человека впервые в мире возвысилось до понятия об его особом положении, и человек является человеком благодаря тому, что у него есть ум, речь, разумность. В-третьих, вспоминается круг представлений современного естествознания, согласно которому человек есть достаточно поздний итог развития Земли, существо, которое отличается от форм, предшествующих ему в животном мире, только степенью сложности соединения энергий и способностей, которые сами по себе уже встречаются в низшей, по сравнению с человеческой, природе [13, с. 31]. Собственно человеческая, социальная стадия истории генетически связана с тем, что в ходе своего эволюционного развития человек противопоставил цивилизационный порядок жизни состоянию дикости и варварства.

Цивилизационный подход (с теми или иными различиями) был предметом пристального внимания многих философов, среди которых такие громкие имена, как Данилевский, Шпенглер, Тойнби. Тойнби, например, не удовлетворяется лишь констатацией [10, с. 85]. Как показано исследователями, он ищет формулу, которая бы «оконечивала бытийственную неопределенность, скрепляя многообразие необратимых взаимодействий. «Вызов–стимул–ответ» – вот, по мнению мыслителя, пружины, объясняющие ход исторического движения. Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себе в более высокое и совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызова означает отсутствий стимулов к росту и развитию. Чем сильней вызов, тем оригинальней и созидательней ответ» [4, с. 130].

Примечательно, что Тойнби находит возможным комментировать объяснительную модель «вызов–стимул–ответ» историческими событиями в России. Давление и вызов монголо-татарского нашествия породили созидательный ответ, который дали евроазиатским кочевникам казаки. Они не просто выстояли в борьбе, но в конце концов преобразовали кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища Великой Степи – в оседлые деревни. Научившись у кочевников верховой езде, они не позабыли своих исконных навыков и остались мастерами речной навигации, обосновавшись на реках, которые являлись естественным препятствием для кочевых племен. Казаки использовали реку как транспортную артерию, осуществляли контроль по всему течению, не позволяя кочевникам даже пересекать ее. Многочисленные притоки давали возможность казакам строить порты и переходить из бассейна одной реки в бассейн другой [9, с. 114].

Если отталкиваться от вывода Тойнби, что цивилизация есть пересечение полей активности отдельных индивидуумов, их энергия – та жизненная сила, которая

творит историю, то следует возвратиться к роли субъектности [6, с. 12–20] в развитии человечества, сопоставляя анонимную мощь истории и значение разумного начала, инициирующего энергию людей, вышедших на дорогу цивилизации.

В связи с этим интересно обратить внимание на воззрения, оставшиеся за бортом академической традиции. В них сосуществуют две концепции человека: согласно одной из них, природа человека двойственна (тело – Дух), согласно другой – триедина (душа, тело, Дух). Можно встретить и более детальную трактовку природы человеческого, с указанием на силу жизненной энергии, вибрационно-материальный коррелят эмоций; образованную нашими мыслями ментальность и производящую смысл духовность.

В определении смыслов бытия следует решить вопрос о «невыделенности» человека, его включенности и погруженности в мировые взаимодействия, либо о его противостоянии в статусе одной из мощнейших энергетических сил наряду с прочими. В конфуцианстве «одним из лейтмотивов комментирующей части Книги перемен является требование подчиненности человека «небесным временам», а именно согласованности всех его действий с космическими ритмами. Знание нравственной необходимости совпадает с пониманием космической причинности. Как отмечает М.Т. Степанянц, тезис о «взаимном влиянии неба и человека» конкретизируется в виде учения о «резонансе между природой и человеком» [8, с. 698]. Теория резонансного взаимодействия становится сейчас предметом активного изучения наукой. На пути теории резонансных взаимодействий и вибрационной природы любого психического состояния делаются попытки объяснить, как мысль и слово, вызывая те или иные ответные резонансные реакции, участвует в перенастройке ситуации. Симфонизм взаимодействий выстраивается в общую картину в соответствии с тем, преобладают ли в нем диссонирующие или консонирующие созвучия. Китайская мудрость сворачивает все хитросплетения смысложизненной рефлексии в доступную формулу: «люби семью», «люби людей», «люби все твари».

Авторитет «доктрины Середины» классического конфуцианства находит отзвук в Античности. Несмотря на разделяющие данные миропостижение века, понимание меры как золотой середины и добродетели, как середины и «срединчатости» [1, с. 703], необходимо и сегодня, – как важнейшая идея и регулятив жизнедеятельности. По мнению Аристотеля, мера во всем и есть та середина, которой должен руководствоваться человек и которая должна согласовываться с любым частным проявлением. Жизнь предлагает многообразие ситуаций, и первый шаг поиска середины связан со стремлением отойти от крайностей, резко противостоящих середине. Обнаружив в себе крайность, необходимо увлечь себя в противоположном направлении, в противоположную сторону, дабы приблизиться к середине. Аристотель дает и другой совет: «Три вещи мы избираем и трех избегаем, – пишет он, – первые три – это прекрасное, полезное и доставляющее удовольствие, а вторые противоположны этому – постыдное, вредное, доставляющее страдание [1, с. 82]. Поскольку во всех действиях следует придерживаться гармонии, то налицо взаимосвязь смысла жизни и образа жизни. По Аристотелю, существует три основных образа жизни: во-первых, образ жизни, связанный с удовольствиями и наслаждениями (его Аристотель называет «скотским»!), во-вторых, государственный и, в-третьих, созерцательный [1, с. 58]. Но именно счастье Аристотель называет главной и самодостаточной целью жизни.

Микроанализ смысложизненной рефлексии, проведенный с опорой на античную традицию, являющуюся колыбелью рационального миропостижения, высвечивает, с одной стороны, проблему «склада души», с другой – необходимость правильных, добродетельных поступков, связанных с тем, чтобы принимать решения и рассчитывать. Склад души – это, прежде всего, «нравственные устои, то, в силу чего мы хорошо или дурно владеем своими страстями» [1, с. 71, 84]. Модификации воздействий на душу и ответ со стороны нашей души – вот что оказывается в центре внимания. Подчеркнем, что «душа, по мнению Аристотеля, некоторым образом обнимает все существующее» [2, с. 102]. Но «есть три (силы) души, главные для поступка и для истины: чувство, ум (nous), стремление. При этом важно, что «из них чувство не является началом какого бы то ни было поступка» [1, с. 173]. Здесь явственно ощутим рациональный поворот в рассуждениях Аристотеля, ибо для него начало, источник поступка – это именно сознательный выбор, предстающий как движущая причина. Сознательный выбор невозможен ни помимо ума и мысли, ни помимо нравственных устоев. «Сознательный выбор – это стремящийся ум (т.е. ум, движимый стремлением), или же осмысленное стремление

(т.е. стремление, движимое мыслью)» [1, с. 174]. Во главе угла оказывается мысль, ум; акцент в поисках смысла жизни переносится в область мыслительных построений, в сферу мыследеятельности. И если смысл жизни не может быть рожден вне и независимо от наиболее полного постижения истины, то это, как уверен Аристотель, осуществимо благодаря пяти вещам, «а именно: искусству, науке, рассудительности, мудрости, уму» [1, с. 175]. Наука связана с доказательством, искусство же имеет дело с возникновением, имеющим начало в самом себе. Рассудительность особо важна как составляющая способности принимать верные решения в связи с благом и пользой в целом, она связана с человеческими делами, направлена на поступки, которые обременены частными обстоятельствами. «Мудрец не только знает следствия из принципов, но и обладает истинным знанием самих принципов» [1, с. 179].

Анализируя наследие Аристотеля, становится ясно, что смысл жизни определяется посредством назначения человека, он связан с деятельностью души и разумными, сопряженными с добродетелями поступками. Добродетели разнообразны: «одни добродетели называются мыслительными, а другие – нравственными; мудрость, сообразительность и рассудительность – это мыслительные добродетели, а щедрость и благоразумие – нравственные...» [1, с. 71]. «Ни в одном из человеческих дел не заложена такая основательность, как в деятельностях сообразно добродетелям ...» [1, с. 187]. Они не уходят в забвение и обеспечивают состояние «внутренней исполненности».

Рациональный анализ концепта «смысл жизни» имеет своим результатом некую тавтологию. Смысл жизни оказывается самой жизнью, смысл жизни в том, чтобы жить. Таким образом, можно заключить, что поиски смысла жизни имманентны самому жизненному процессу. В пучине обстоятельств человек оказывается смыслопорождающим и смыслоизвлекающим существом. А, следовательно, смысл жизни – это не только искомое проектируемое свойство, но и субстанциональное. Обретший смысл будет вести себя так, словно «он сам себе закон», писал Аристотель. Смыслополагание в результате осознанных действий становится действительностью. Из всего многообразия проявлений человек выбирает лишь то, что связано с его самоосуществлением, находится в фокусе его сознания. Он сам задает конфигурацию своих поступков. Важность правильного действия уподобляется попаданию в цель, в связи с чем необходимо думать об уместности и своевременности поступка в перспективе подлинной человечности. Смысл жизни следует оценивать как важнейший экзистенциал, указывающий на самовоплощенное существование.

Однако концепт «смысл жизни» указывает на энергийно заряженный, порождающий сущностные взаимодействия источник человеческой созидательной деятельности. В контексте практически ориентированной философии смысл жизни воспринимается в значении «искусства жить». А здесь полезен совет Цицерона: «Надо быть свободным от каких бы то ни было душевных треволнений – как от страсти и страха, так и от огорчений, наслаждения для души и гнева, чтобы достичь душевного спокойствия и безмятежности, приносящих нам как стойкость, так и чувство собственного достоинства» [12, с. 75]. Вектор смысложизненной рефлексии для разумного человека задан одним магистральным направлением: это построение жизни согласно разумной природе и в соответствии со стремлением к самоосуществлению на полюсе подлинной человечности.

В цивилизационном измерении смысл жизни устремлен к поддержанию справедливого мирового порядка, уменьшению социальной энтропии, созданию ненасильственного общественного устройства. Все чаще звучат голоса в пользу необходимости мировой цивилизации, которая позволила бы решить глобальные проблемы современности. Выбор человека в значении агента миропорядка должен согласовываться с реализацией морального закона. И поскольку данный концепт обсуждается в тональности этического долженствования, то мотивирующей силой любого поступка должно стать «золотое правило» – поступай по отношению к другому так, как приемлемо поступать по отношению к тебе. Это говорит о своеобразном надындивидуальном бытии смысла, смысл человеческой жизни направлен на то, чтобы оправдать само человеческое существование – существование в модусе «быть человеком».

Иногда смысложизненные поиски связывают с целесообразностью. Важно подчеркнуть, что осмысленность жизненного пути принадлежит этой реальности и не может быть редуцирована к потусторонним целям. «Монотеизм предлагает путь обретения смысла собственного существования через внутреннее преображение на пути единения с Богом» [14, с. 576]. Этому мировидению противостоит установка на

обретение смысла в борьбе за жизненные ресурсы. В прагматизме смысложизненные цели связаны с характерной потребностью достигать успеха.

Философская рефлексия выносит смысл за пределы того или иного конкретного акта и разового действия, представляя его как нечто объединяющее, длящееся и всепроникающее. В этом можно усмотреть метафизическую трансцендентность смысла человеческого существования. Смысл становится идеальной сущностью, которая превосходит саму телесность вещи. Тем не менее явный смысл – и скрытый, глубинный, и поверхностный – эти модальности смысла указывают на наличие какого-то основания, стремящегося к воплощению. Смысложизненная рефлексия не растворяется в свойствах и отношениях, проявляющихся в наличном бытии, она направлена на поиски констант человеческой жизни. Её обращенность к парадигме внутреннего мира сопрягается с эпохальными изменениями мира внешнего. Рефлексия оборачивается на смыслы, обозначенные историей, вычерпывает их содержание, соотнося с реалиями человеческой жизни. Смысл противостоит бессмыслице, он связан с интенсивной работой сознания, направленной на его обнаружение, нуждается в понимании и выговоренности, опоре на разум. Таким образом, смысл разворачивается в секущей плоскости трансцендентного и имманентного.

Очевидно и то, что проблематика смысложизненной рефлексии наиболее стойко ограждена от инъекций сциентизма. Смысложизненная рефлексия не есть логоцентристское мероприятие, она переживается. В ней важно прислушиваться к опыту повседневности и улавливать внутренние позывы сознания. У русского философа Е.Н. Трубецкого смысл постигается «Мировым оком» и связан с «безусловным сознанием», о котором свидетельствует совесть [11]. Маркерами на пути смысложизненного поиска являются чувства, интуиция, эмоциональная сфера, первой сигнализирующая о правильности выбранного пути. Как справедливо отмечает Н. Лобковиц, на поверхности оказывается, что смысл – это то, что мы как люди делаем, где Я конституирует самоё себя. Образно выражаясь, смыл «не бросает на произвол судьбы» свое бытие.

Вряд ли можно представить смысложизненную проблему исключительно как нарративную, сведенную к историям. По большей части она связана с внутренним опытом, глубинами внутреннего мира. Смысл жизни предстает как нечто сугубо личное, интимное, опирающееся, однако, на незыблемое основополагание. Последнее дает возможность понять смысл как единый для всех homo, спроецированный на Я-всеобщее. А, следовательно, субстанционально понимаемый смысл человеческой жизни изначально положен и связан с сущностным и «несущим», т.е. заключающим в себе подлинные цели, ценности, желания и регулятивы человеческой жизни. Это некоторая данность Я-бытия, «сущее через себя». Но тогда он исходит не от индивидуального субъекта и его самовосприятия, поиск смысла жизни – это попытки проникнуть в тайну человеческой миссии.

Вместе с тем смысл проглядывает как спрессованный в определенных формах поведения, связан с выбором, просматривается в суждениях и решениях. По логике вещей все, совершаемое человеком, должно исходить и соответствовать схваченному в фокусе осознания главенствующему смыслу его жизни. Рефлексия предполагает нацеленность сознания на действия, предметы и отношения, в которые вступает человек. Она оперирует мыслительными моделями. Однако это такая модель, которая и считывает действительность, и раскрывается в ней, вновь на нее проецируясь. Смысл, имматериальный по существу, материализуется в делах и поступках. Возникает вопрос о возрастании качественности смысла персонального бытия, и можно ли отделить несовершенный смысл жизни от совершенного? Должна ли смысложизненная рефлексия быть в соответствии только с внутренним планом бытия или испытывать на себе извне идущие тенденции и силы? И хотя постижение смысла жизни есть существенное стремление каждой личности, акт смыслопостижения не отличается прозрачностью. Информация, поставляемая всеми органами чувств, участвует в симфонизме образования смысла. Чрезвычайно значимыми, но еще не нашедшими ответа выступают вопросы: поглощается ли индивидуальная конфигурация смысла жизни, уникальная жизненная ситуация его субстанциональным предначертанием для всего человечества? С какими экзистенциалами, например совестью или радостью, мы встречаемся в путях постижения смысла? Показывает ли он себя, приобретает ли отчетливость или пугает бесконечностью своего поиска?

Для различных типов людей религия, искусство и наука приобретают соответствующий их способностям восприятия вид. Русской философской школе близка идея, которую высказал Н. Бердяев, считая, что человек может познавать себя сверху, из своего света и божественного в себе нача-

ла, а может познавать себя снизу, из своей тьмы, подсознательного и демонического. Он может это делать потому, что «он двойственное и противоречивое существо, существо в высшей степени поляризованное, богоподобное и звероподобное, высокое и низкое, свободное и рабье, способное к подъему и падению, к великой любви и к великой жестокости и беспредельному эгоизму» [3, с. 16] .

Двойственность, бинарность была плодотворной методологической установкой, которая с успехом демонстрировала свои преимущества не только в философии, но и в интеллектуальном континууме в целом [7, с. 367]. Исследовательский поиск предполагал двоякое направление. Для сциентизма, связанного с научной рациональностью, проблема смысла жизни не являлась доминирующей. И, напротив, нацеленность философии на экзистенциальную тематику выдвигала данную проблему на передний план, делала ядром всех философских размышлений. Изучение феноменального уровня, т.е. познание явлений, не могло заменить собой стремление проникнуть на уровень ноуменальный – сущностный. Оппозиция: неизменные законы природы и весьма изменчивые человеческие установления также свидетельствуют в пользу бинарности. Двойственность обнаруживала себя и в сфере повседневности, где на словах высокие принципы провозглашались, а на деле они, как правило, ежечасно опровергались. Двойная мораль, двойная этика не требовали обосновывающих себя особых доказательств. В образовании официальные доктрины предписывали необходимость развития творческого потенциала личности, однако каждодневная практика тяготела к репетиционно-репродуктивным методам, формалистике и муштре. Тело и дух, человек падший и человек божественный, добрый и злой, светлый и темный, благородный и низкий – вот бинарии, которые инициировали мысль в поисках разрешения извечной тайны и загадки смысла человеческого существования.

В дискуссиях о биологическом и социальном в человеке биологизаторский подход акцентировал лишь инстинктивные, геноцентристские эволюционно-биологические предпосылки человеческой природы. Социологизаторский подход объяснял природу человека, исходя из социально значимых факторов, приводил к представлению о человеке как социальном функционере, винтике государственной машины, использовать который можно без оглядки «на какие-то гены». Человек представал как податливый слепок социокультурной среды, он лишь продукт обстоятельств, в которые попадает и в которых вынужден существовать. Ситуация «частичного человека», описанная К.Марксом, актуальна и сегодня. Обусловленная разделением труда, существованием неравенства, она создает отношение к человеку как к весьма ограниченному и несвободному существу. «Частичный человек» – это послушный исполнитель предписанной ему социальной роли. Вместе с тем весьма содержательно заключение отечественного психолога А.Н. Леонтьева, резюмировавшего, что человек рождается с единственной способностью – «способностью приобретать человеческие способности».

Таким образом, современная постановка проблемы смысложизненной рефлексии свидетельствует о «взаимозависимом совозникновении» смыслопостижения и затягивает в свою орбиту не только геноцентризм или социоценризм, но и гендерные взаимодействия, отношения полов, различия между мужчинами и женщинами, отношения поколений, проблему смерти. Понять человека в его конкретных эмпирических проявлениях, сделать вопрос о человеке главным пунктом философского творчества – вот перспективная задача для многих поколений мыслителей. Философский анализ нацеливает на различение слоев духовного смыслополагания от низших, витально ориентированных, до высших, истинно духовных, занимающихся критикой чувственности. Включенность человека в бытие культуры фиксирует личностный смысл его существования. Индивид постигает особый смысл своего существования в ходе самореализации, и сомоосуществления своих способностей и возможностей. Деятельность человека как «единица жизни» наделяет его жизнь смыслом.

---

1. Аристотель. Никомахова этика [Текст] / Аристотель. Соч. в 4-х т. Т.4; М.: Изд-во Мысль, 1983. 830 с.

2. Аристотель. О Душе. [Текст] / Аристотель. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 303 с.

3. Бердяев, Н.А. О рабстве и свободе человека [Текст] / Н.А. Бердяев / цит. по: Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. М.: Политизд, 1991. 464 с.

4. Лешкевич, Т.Г. Неопределенность в мире и мир неопределенности. (Философские размышления о порядке и хаосе). Монография [Текст] / Т.Г. Лешкевич. Ростов н/Дону: Изд-во РГУ, 1994. 231 с.

5. Лешкевич, Т.Г. Проблема смысложизненной рефлексии и цивилизационное измерение [Текст] /

Т.Г. Лешкевич / Цивилизационная парадигма в философии и смысложизненная рефлексия. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. 435 с.
6. Лешкевич, Т.Г. Проблема субъектности и бессубъектное состояние России в контексте экономоцентричности современной эпохи [Текст] / Т.Г. Лешкевич // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2012. № 2. С. 12–20.
7. Лешкевич, Т.Г. Философия. Вводный курс. [Текст] / Т.Г. Лешкевич. М.: Контур, 1998. 461 с.
8. Степанянц, М.Т. Цивилизационный вектор будущего развития человечества [Текст] / М.Т. Степанянц / Наука и социальная картина мира. М.: Альфа-М., 2014. 702 с.
9. Тойнби, А. Дж. Постижение истории. [Текст] / А.Дж Тойнби. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
10. Тойнби, А.Дж. Цивилизация перед судом истории. [Текст] / А.Дж. Тойнби. М.: Прогресс, 1996. 480 с.
11. Трубецкой, Е.Н. Смысл жизни. [Текст] / Е.Н. Трубецкой. М.: Республика, 1994. 432 с.
12. Цицерон, М.Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. [Текст] / М.Т. Цицерон. М.: Наука, 1993. 247 с.
13. Шелер, М. Положение человека в космосе [Текст] / Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. 552 с.
14. Шрейдер, Ю. Смысл [Текст] / Ю. Шрейдер / Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. 3. 693 с.

References

1. Aristotel' (1983) Nikomahova jetika. Soch. v 4-h t. T.4. Moscow, Izd-vo Mysl', 830 p. [in Rus].
2. Aristotel' (1937) O Dushe. Moscow, Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo, 303 p. [in Rus].
3. Berdjaev N.A. (1991) O rabstve i svobode cheloveka / cit. po: Chelovek: mysliteli proshlogo i nastojashhego o ego zhizni, smerti i bessmertii. Moscow, Politizd, 464 p. [in Rus].
4. Leshkevich T.G. (1994) Neopredelennost' v mire i mir neopredelennosti. (Filosofskie razmyshlenija o porjadke i haose). Rostov-na-Donu, Izd-vo RGU, 231 p. [in Rus].
5. Leshkevich T.G. (2015) Problema smyslozhiznennoj refleksii i civiliza-cionnoe izmerenie / Civilizacionnaja paradigma v filoso-fii i smyslozhiznennaja refleksija. Rostov-na-Donu, Izd-vo JuRIU RANHiGS, 435 p. [in Rus].
6. Leshkevich T.G. (2012) Nauchnaja mysl' Kavkaza, no. 2, pp. 12–20 [in Rus].
7. Leshkevich T.G. (1998) Filosofija. Vvodnyj kurs. Moscow, Kontur, 461 p. [in Rus].
8. Stepanjanc M.T. (2014) Civilizacionnyj vektor budushhego razvitija chelo-vechestva / Nauka i social'naja kartina mira. Moscow, Al'fa-M, 702 p. [in Rus].
9. Tojnbi A. Dzh. (1991) Postizhenie istorii. Moscow, Progress, 736 p. [in Rus].
10. Tojnbi A.Dzh. (1996) Civilizacija pered sudom istorii. Moscow, Progress, 480 p. [in Rus].
11. Trubeckoj E.N. (1994) Smysl zhizni. Moscow, Respublika, 432 p. [in Rus].
12. Ciceron M.T. (1993) O starosti. O druzhbe. Ob objazannostjah. Moscow, Nauka, 247 p. [in Rus].
13. Sheler M. (1988) Polozhenie cheloveka v kosmose / Problema cheloveka v zapadnoj filosofii. Moscow, Progress, 552 p. [in Rus].
14. Shrejder Ju. (2001) Smysl / Novaja filosofskaja jenciklopedija. Moscow, Mysl', t.3, 693 p. [in Rus].

UDC 128

CIVILIZATIONAL DIMENSION OF LIFE–PURPOSE REFLECTION

Leshkevich Tatyana Gennadyevna,
South Federal University,
Doctor of Philosophy, Professor,
Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: Leshkevicht@mail.ru

Annotation
The article compares civilization dimension and the problem of life-purpose searching. The author points out components of up-to-date conflict ontology. The influence of intensiveness of the purpose-attractor id analyzed. Life-purpose searching with consideration for self-realization of truly human potential is proved.

Key concepts:
conflict ontology,
civilization dimension,
indoctrination,
attractor,
life purpose,
self-realization.